

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_20
EDN: ZJICFG

Телесное и духовное в русской литературе

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. В работе изучаются предметный мир и его функции в произведениях литературы, в создании художественного пространства, в творческих поисках писателей. Художественные детали могут иметь аллегорическое, символическое значение, детали бытовые получают бытийный смысл, многие из которых имеют мифопоэтическое происхождение. Материал осмыслен в событийно-биографическом, историко-литературном аспектах; представлены результаты исследования.

Акценты сделаны на произведениях Н. В. Гоголя, Л. Н. Андреева, представляющих разные эпохи, методы, направления. И, пожалуй, впервые эти яркие творческие индивидуальности оказались в одном ряду, что оправдано поставленной проблемой – изучением художественной типологии. В работе решён ряд задач: дополнены представления о роли компонентов текста, установлена художественная типология между произведениями разных авторов, определены их биографические, историко-литературные, теоретико-литературные истоки.

Решение задач осуществлялось путем изучения творческих связей, переключек, параллелей. Приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений. Особый интерес имеют сопоставления творческих индивидуальностей, анализ символики, поэтики.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Получено новое знание об элементах предметного мира в структуре художественных текстов, установлена художественная типология между ними. Обновлена методика исследования и намечены перспективы.

Использованные подходы к материалу обусловили новизну трактовки наследия писателей, интерпретации произведений литературы; даны новые оценки известным произведениям, уточнена авторская позиция. Сделаны наблюдения в области изучения эстетики и поэтики прозы.

Ключевые слова: творческие индивидуальности в литературном процессе XIX–XX веков: Н. В. Гоголь, Л. Н. Андреев; семантика художественной детали и её функции; мотив; анализ; интерпретация произведения литературы

Для цитирования: Иванов Н. Н. Телесное и духовное в русской литературе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 20–26. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_20. <https://elibrary.ru/ZJICFG>

Original article

Bodily and spiritual in russian literature

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor at the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The article studies the object world and its functions in literary works, in creating artistic space, and in writers' creative searches. Artistic details can have allegorical and symbolic meaning, everyday details, many of which have mythopoetic origin, can acquire existential meaning. The material is considered in the event-biographical, historical and literary aspects; the results of the research are presented.

Emphasis is placed on the works of N. V. Gogol and L. N. Andreev, who represent different epochs, methods and directions. Perhaps, for the first time these bright creative individuals appear on a par with each other, which is justified by the problem posed - the study of literary typology. The work has solved a number of problems: the ideas about the role of text components have been enriched, the literary typology among the works of different authors has been established, their biographical, historical, theoretical and literary origins have been determined.

The tasks have been solved through the study of creative connections, cross-links, and parallels. The author presents original findings and draws a number of conclusions. Of particular interest are comparisons of the writers' creative personalities, analysis of their symbolism and poetics. The most significant results of the work are the following. New knowledge is gained regarding the elements of the object world in the structure of literary texts, and literary typology among them is established. The research methodology is updated and new perspectives are outlined.

The approaches the author used to the material determine the novelty of interpreting the writers' heritage; new opinions are given about the famous works, the writers' position is clarified. The author made some observations in the field of studying the aesthetics and poetics of prose.

Key words: creative individuals in the literary process of the XIX–XX centuries; N. V. Gogol, L. N. Andreev; semantics of literary detail and its functions; motive; analysis; interpretation of a literary work

For citation: Ivanov N. N. Bodily and spiritual in russian literature. *Verhnevolszski philological bulletin*. 2023;(3):20–26. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_20. <https://elibrary.ru/ZJICFG>

Введение

Постановка вопроса. Исследование художественной литературы на предмет соотношения в текстах миров телесного и духовного, жизненной силы, потенций человека проводится нечасто, однако постановка проблемы и локальная обрисовка её обновили бы научные представления о содержании, эстетике, поэтике произведения литературы, о мастерстве и творчестве писателей. Инструментарием в разработке проблемы мог бы стать анализ предметного мира и его семантики, художественной детали и её места, функций в тексте.

Актуальность

Исследование построено на материале произведений Н. В. Гоголя и Л. Н. Андреева, принадлежащих разным творческим эпохам; тем не менее, переключки, типологическая близость между ними возможна, прежде всего, в компоновке предметного мира и деталей как образного отражения идей, изучение чего и обусловило актуальность работы.

Цель работы – проанализировать предметный мир, роль, функции художественной детали в произведении литературы как отражение авторских представлений о духовной и телесной сущностях личностного бытия; установить типологическую общность между писателями.

Задачи работы: сопоставить, изучить художественные тексты, проанализировать их структуру, сделать обобщения.

Материалом исследования стало наследие писателей в самом широком охвате: художественные произведения, варианты, дневники,

публицистика, переписка писателей и воспоминания о них, биографические данные; научные, справочные труды по теме.

Методология исследования. Системная методология литературоведения, лингвистический, литературоведческий, культурологический подходы к тексту. Изучение деталей, предметного мира, текста, мотивов строилось на методах мотивного анализа, структурно-семантическом, семиотическом, метатекстуальном; характеристика творческих индивидуальностей, персоналий – на историко-литературном, сравнительно-историческом, биографическом.

Описание проведённого **анализа**.

Анализ был посвящён выявлению функций предметного мира, художественных деталей и по этой линии установлению типологии между произведениями русских писателей XIX–XX веков: Н. В. Гоголя, Н. Андреева, в перспективе – некоторых других.

«Я о планетах говорить стесняюсь, Я рассказу, как люди бьются, маясь» [Гёте, т. 2, с. 16] (Мефистофель в прологе на небе // трагедия Гёте «Фауст»). Люди бьются в борьбе с невгодами мира внешнего; люди используют одежду, жилища; должны они и есть. Поглощая значительные ресурсы, материальная сторона жизни заметно теснит духовную. «Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около. Враг этот <...> наш северный мороз <...> Всё спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натопаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замёрзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 479].

Мороз – явление природы, и человек над ним не властен.

Шинель Акакия Акакиевича, халат Плюшкина, костюмы Раскольниковова, тряпье, которым укрыт отец Сашки в рассказе Л. Андреева «Ангелочек», странное одеяние Вощева в повести А. Платонова «Котлован» – эти атрибуты предметного мира аллюзивны, символичны. И одежда, и дом, и еда имеют глубинное значение; они раздвигают повествование о потенциях человека, о преодолении тягот жизни и обретении достойного места в ней.

Петербургского чиновника Акакия Акакиевича спасали от мороза шинели; было их у него две, и обе описаны подробно. Первая шинель настолько жалкая, что сослуживцы отнимали от неё «даже благородное имя шинели и называли её капотом <...> воротник её уменьшался с каждым годом <...> ибо служил на подтачиванье других частей её» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 480]. Портной Петрович латал и подтачивал шинель Акакия Акакиевича до тех пор, когда дальше латать было уже невозможно: сукно истёрлось и сквозило, подкладка расползлась. «Нельзя» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 480], – без надежды произносит Петрович, разрушая зыбкие иллюзии Акакия Акакиевича.

Одеяния – продолжение хозяев. Мысли о скудном облачении поглощают Акакия Акакиевича, определяют его тонус: старая шинель изнасилась, жизненное дело движется к финалу. Акакию Акакиевичу уже за пятьдесят, он бедный во всех отношениях титулярный советник. «Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 484]. «На что, на какие деньги её сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уж размещены и распределены вперёд. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слоге» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 484].

3 января 1829 г., за десять лет до написания повести, Гоголь, из Петербурга, сетует матери на своё финансовое положение. «Да здесь покупка фрака и панталон стоила мне двух сот, да сотня уехала на шляпу, на сапоги, перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мелочи, да на переделку шинели и на покупку к ней воротника до 80 рублей» [Вересаев, 1990, т. 3,

с. 414] (В. Вересаев «Гоголь в жизни»). Новая шинель обошлась Акакию Акакиевичу в восемьдесят рублей. Новая шинель стала результатом ущемления тела в виде ограничений в питании, отказа от «дрянных, но необходимых» мелочей, от вечернего чая и прочей экономии. Менталитету Акакия Акакиевича свойственно перетекание материально-предметного в духовное, эстетическое. Бедствуя, он «питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 485]. Наконец, когда Петрович принёс новую шинель, Акакий Акакиевич преобразился. Это день был в его жизни «самый торжественнейший» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 486]. Впервые, пожалуй, он почувствовал себя счастливым и состоявшимся. «Этот весь день был <...> точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил её бережно на стене, налюбовавшись ещё раз сукном и подкладкой» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 487]. Преобразился и Петрович, дважды ходивший смотреть на творение рук своих. В департамент Акакий Акакиевич отправился «в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия <...> две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 487].

Ранее, по причине бедности, многие стороны жизни были недоступны Акакию Акакиевичу, теперь же тепло в теле отразилось теплом в душе. Вот он «остановился с любопытством перед освещённым окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу, очень недурную» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 488]. Подобного рода интерес очень важен для самооценки, внутренней состоятельности мужчины. Женская нога, по наблюдению автора, та вещь, о которой «у каждого сохраняется какое-то чутьё» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 488]. И чутьё это в титулярном советнике проявилось.

В петербургских повестях Гоголя одежда, обувь, другие предметы быта заслоняют своих обладателей. Одежда оказывается в семантическом центре и повестей, и поэмы «Мёртвые души». Нет ни одного портрета, ни одной индивидуализированной характеристики людей на том роковом для Акакия Акакиевича чаепитии, зато шинели, калоши такими чертами наделены. Что

предстало в тот вечер перед глазами Акакия Акакиевича в передней? «На стенах висели все шинели да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами <...> Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошёл в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 488]. «Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 489].

Живя в другую эпоху, Гоголь многое в эстетике символизма предвосхитил и был в этом направлении одним из первых русских писателей: вещи, элементы одежды, детали быта получают дополнительные смыслы. На протяжении длительного времени метод Гоголя определяли по социологическому шаблону как *реалистическую сатиру*. Объективнее и, с позиций искусства, продуктивнее говорить о фантастической стороне прозы Гоголя, как в своё время это сделал А. С. Пушкин, предваряя публикацию повести «Нос», тем самым придав творениям Гоголя временную перспективу. «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, весёлого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись» [Гоголь, 1984, т. 1, с. 568]. Удовольствие – гедонистическая функция искусства.

«У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком <...> Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределённое, похожее очень на женский капот <...> По висевшим у неё за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это, верно, ключница <...> – Идите в комнаты! – сказала ключница, отворотившись и показав ему спину, запачканную мукою, с большой прорехою пониже» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 260, 261]. Позднее выяснилось, что глазам Чичикова предстал скорее ключник, чем ключница.

Плюшкин – фигура архетипичная: «прореха на человечестве»; история его личностных «достижений» построена на мотиве нравственной деградации и духовной смерти, убывания человеческого, на мотиве анти: антитворения, античеловека. «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!» [Гоголь, 1984,

т. 2, с. 271]. Ничтожность, мелочность, гадость Плюшкина сквозят в его «поносных словах», продолжены в предметных деталях: одежда, еда, быт, жилище. Пол этого помещика по платью не идентифицируется, и человек будто исчезает. Капот – одеяние женщины; но ведь и шинель Акакия Акакиевича сослуживцы называли капотом. Несколько раз упоминается «старый, поношенный колпак» Плюшкина, колпак, «какой носят деревенские дворовые бабы» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 260]. Головной убор – символический эквивалент мыслей человека.

Висевшие за поясом Плюшкина ключи точно запирают, пристёгивают его к чему-то, но к чему? К необозримым ценностям его погребов и кладовых, к материальному существованию, к земле, богатству. После смерти последней дочери «старик очутился один сторожем, хранителем и владельцем своих богатств» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Плюшкин в смысле прямом и переносном к богатству привязан. И замок-исполин в железной петле, и ворота, которые в «другое время <...> были заперты наглухо» [Гоголь, т. 2, с. 260], и окна в доме, которые «с каждым годом притворялись <...> наконец осталось только два» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264], – все детали, повторяют, иллюстрируют затухание внутреннего огня, высоких устремлений человека.

В доме Плюшкина и вокруг него – «вымершее место». Ввозимое добро, кучи добра не увеличивают жизненные силы помещика, но всё превращается в тлен, прах. Скупость не позволяет хозяину перевести свои богатства в деньги, монетизировать, сказали бы сегодня. «Неуступчивее становился он к покупателям, которые приезжали забирать у него хозяйственные произведения; покупщики торговались, торговались и наконец бросили его вовсе, сказавши, что это бес, а не человек; сено и хлеб гнили, клади и стоги обращались в чистый навоз <...> мука в подвалах превратилась в камень» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 265]. «Заплатанной» Плюшкин «плохо кормит» крепостных людей, и они умирают, «как мухи» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 256].

Архетип Плюшкина-«прорехи» укрупнён детально: большая прореха пониже запачканной мукою спины перекликается с существительным «к слову заплатанной» – очень удачным, но «неупотребительным в светском разговоре» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 256].

Дочь, Александра Степановна, приезжала с двумя малютками и привезла отцу кулич к чаю и новый халат, «потому что у батюшки был такой

халат, на который глядеть не только было известно, но даже стыдно» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 265]. Этот халат – апофеоз полной деградации Плюшкина: «рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идёт на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 260, 261].

Когда-то Плюшкин был «бережливым хозяином! Был женат и семьянин» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 263], принимал соседей, учил их «хозяйству и мудрой скупости» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 263]. К столу являлся в сюртуке, «хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке: нигде никакой заплаты» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Сопоставим: «нигде никакой заплаты» и «заплатанной». Плюшкин не властен над ходом времени, жизненным материалом, невзгодами бытия. Сначала «добрая хозяйка умерла», затем старшая дочь, Александра Степановна, «убежала с штабс-ротмистром» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Вскоре сын определился в полк, наконец, умерла дочь младшая. Семья убывала, окна притворялись, дом умирал; сворачивался внутренний мир Плюшкина, и такие дыры латанию не подлежат. Возможно, Гоголь осмысливал знакомые ему семейные предания [Бородкин, 2020], и под его пером патологическая скупость стала аллегорией падения личности [Толкачева, 2020; Топоров, 1995]. Плюшкин тащит домой всякую дрянь, думая, что, обладая ею, он становится богаче. Скупость, страсть к собирательству-накопительству съели индивидуальность, и функция (ключница) заместила лучшие человеческие свойства. И в этом контексте символичен дом Плюшкина: «с каждым годом притворялись окна <...> наконец осталось только два» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Эти два окна, допускаем, намекают на два последних чувства, ещё связывающих Плюшкина с внешним миром. Но один раз всё же какое-то внезапное живое движение произошло в нём, отразилось на лице, когда в беседе с Чичиковым он вспомнил друга детства.

Акакий Акакиевич беден, Плюшкин – богат. Душа Акакия Акакиевича оттаяла, а душа Плюшкина очерствела. «Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая <...> имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 264]. Чувства

мелели ежеминутно; убывала жизненная сила, утрачивалась самость Плюшкина: имя забыл, пола как бы нет – баба или мужик. «И всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 265].

На первый взгляд, связи, переключки по означенным линиям между произведениями Гоголя, Андреева, других писателей, того же А. Платонова, невозможны, не отражены они и критиками, исследователями прозы, например, Андреева [Жен, Рогов, 2010], не поднимались и в зарубежных источниках [Лексикон русской литературы, 1996]. Но связи могут быть глубинными и обнаруживаться как проявление индивидуальной авторской психологии, литературной традиции. Находящиеся вне текста универсалии могут стать опытом литературной рефлексии и саморефлексии, авторским мифотворчеством. Это справедливо и в отношении предложенной нами художественной версии жизненной силы.

В 1899 году в газете «Курьер» был опубликован рассказ Леонида Андреева «Ангелочек». В рассказе Андреев развил свойственные его творчеству экзистенциальные мотивы: смысл и бессмысленность бытия, извечные устремления человека к счастью, любви [Красильников, 2007; Татарин, 2001]. В этом рассказе история Сашки и его отца, Ивана Саввича, представлена как тема старости и молодости, жизненных итогов, предназначения человека. Тема как контраст небесного и земного дана на праздничном рождественском фоне. Близость грядущего Рождества отзывается в душе Сашки и его несчастного отца ожиданием чуда [Борзова, 2015]. Драма Сашкиного бытия обусловлена «тотальной» несправедливостью жизни, и мальчик мстит ей. Сын только вступает в мир, жизнь отца – прошла. Силы покидают этого «больного и жалкого», «погибшего» человека. Иван Саввич «сидел молча и ёжился», ему «всегда было холодно, и он старался согреться, сидя на раскалённой лежанке и подкладывая под себя руки ладонями книзу <...> он лежал за перегородкой, молчаливый, съезжившийся от постоянного озноба, и думал о несправедливости и ужасе человеческой жизни» [Андреев, 1983, с. 30].

В основе судьбы отца просматривается мотив утраты, изгнания из рая, но обретёт ли его сын? «И чудилось погибшему человеку, что он услышал жалеющий голос из того чудного мира, где он жил когда-то и откуда был навеки изгнан» [Андреев, 1983, с. 38]. Отец Сашки отжил и ни-

когда не возродится, но он не старик. Сашка приносит с ёлки у Свечниковых папиросы отцу и игрушку – воскового ангелочка. Ангелочек – деталь в тексте; деталь случайная, эпизодическая, и одновременно смыслообразующая. Отец, «поспешно набросав в угол всякого тряпья, на котором он спал <...> так же быстро разделся и лёг на спину, чтобы поскорее начать смотреть на ангелочка» [Андреев, 1983, с. 40]. В рассказах Л. Андреева персонажи, детали, предметный мир существуют не изолированно, но как выходы в мир большой, очертания которого ещё предстоит увидеть. Ангелочек в одноимённом рассказе соединяет отца и сына, прошлое и настоящее, любовь и ненависть. Показательно, что к возвращению Сашки домой Феоктиста Петровна (мать) уже спала и не могла видеть следы мимолётного счастья на лицах отца и сына. Роль ёлочной игрушки разрастается до масштабной характеристики людского бытия, переполненного жестокостью и несправедливостью, но и таящего желанные перспективы.

Выводы. В работе были получены следующие научные результаты. Установлена художественная типология между произведениями разных авторов, эпох, направлений, определены биографические, историко-литературные, теоретико-литературные истоки творческих устремлений писателей, дополнены представления о роли компонентов текста, намечены пути дальнейшего изучения художественной типологии.

Сформулирована проблема соотношения в образах персонажей жизненных сил, потенций человека, духовного и телесного начал. В русле поставленной проблемы изучены тексты, приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений. Получено новое знание о роли элементов предметного мира в структуре текстов, о художественной близости между произведениями разных авторов, эпох: Н. В. Гоголь, Л. Н. Андреев. Охват разного по жанру, тематике, стилю материала обусловил достоверность суждений, выводов. Проведённое исследование представляется полезным для изучения творческих поисков русских писателей XIX–XX столетий.

Библиографический список

1. Андреев Л. Н. Рассказы, повести и фельетоны / сост. и предисл. В. Н. Чувакова. Москва : Моск. рабочий, 1983. 351 с.
2. Борзова Н. А. Образы детей в произведениях Леонида Андреева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. №1(5). 2015. С. 1130–1132.
3. Бородкин А. В. Семейные легенды и предания в художественной прозе Н. В. Гоголя // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: Семейный дискурс русской и мировой литературы / под научн. ред. Е. М. Болдыревой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 79–90.
4. Вересаев В. В. Собрание сочинений : [в 4 томах]. Москва : Правда, 1990.
5. Гёте И. В. Собрание сочинений : [в 10 томах]. Москва : Худож. лит., 1975–1980.
6. Гоголь Н. В. Избранные сочинения : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1984.
7. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3: Сравнительное литературоведение. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 816 с.
8. Иванов Н. Н. Мифопоэтическая парадигма художественных поисков в литературе русского неореализма // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. № 1. С. 28–31.
9. Иванов Н. Н. Мифопоэтические мотивы и образы в прозе А. Платонова // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. № 4. С. 198–204.
10. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1: 1910–1930 годы. Учебное пособие / Л. Ф. Алексеева, И. А. Биккулова, Н. М. Малыгина, Н. Н. Иванов и др.; под ред. Л. Ф. Алексеевой. Москва : Высшая школа, 2005. 366 с.
11. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1: Русская литература: 1910–1930-е годы: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Л. Ф. Алексеева, И. А. Биккулова, Н. М. Малыгина, Н. Н. Иванов и др.; под ред. Л. Ф. Алексеевой. Москва : Студент, 2012. 423 с.
12. Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. Санкт-Петербург : Коста, 2010. 428 с.
13. Кранихфельд В. Журнальные заметки. Леонид Андреев и его критики // Образование. 1902. № 10. Отд. 3. С. 47–69.
14. Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда : ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.
15. Лексикон русской литературы XX века. 1917 / В. Казак; [пер. с нем.]. Москва : РИК «Культура», 1996. XVIII, 491 с.
16. Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 226–244.
17. Татаринцев А. В. Л. Андреев // Русская литература рубежа веков (1890 – нач. 19 20-х гг.): Кн. 2 / ИМЛИ РАН. Москва : Наследие, 2001. 314 с.
18. Толкачева О. Н. Психология патологического накопительства. Москва : Юрайт, 2020. 178 с.
19. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров

В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва : Прогресс – Культура, 1995. 624 с. С. 7–111.

20. Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. М. «Сквозь литературу». Ленинград : Academia, 1924. С. 171–195.

Reference list

1. Andreev L. N. Rasskazy, povesti i fel'etony = Stories, novellas and feuilletons / sost. i predisl. V. N. Chuvakova. Moskva : Mosk. rabochij, 1983. 351 s.

2. Borzova N. A. Obrazy detej v proizvedenijah Leonida Andreeva = Images of children in Leonid Andreev's works // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. T. 17. №1(5). 2015. S. 1130–1132.

3. Borodkin A. V. Semejnye legendy i predanija v hudozhestvennoj proze N. V. Gogolja = Family legends and stories in N. V. Gogol's prose // «Nezhdannyj, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i ujut...»: Semejnij diskurs ruskoj i mirovoj literatury / pod nauchn. red. E. M. Boldyrevoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. S. 79–90.

4. Veresaev V. V. Sobranie sochinenij : [v 4 tomah] = Collected works : [in 4 volumes]. Moskva : Pravda, 1990.

5. Gjote I. V. Sobranie sochinenij : [v 10 tomah] = Collected works : [in 10 volumes]. Moskva : Hudozh. lit., 1975–1980.

6. Gogol' N. V. Izbrannye sochinenija : [v 2 tomah] = Selected works : [in 2 volumes]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1984.

7. Ivanov V. V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 3: Sravnitel'noe literaturovedenie = Selected works on semiotics and history of culture. V. 3: Comparative literary studies. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 816 s.

8. Ivanov N. N. Mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennyh poiskov v literature russkogo neorealizma = Mythopoetic paradigm of artistic search in the literature of Russian neorealism // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. № 1. S. 28–31.

9. Ivanov N. N. Mifopojeticheskie motivy i obrazy v proze A. Platonova = Mythopoetic motifs and images in A. Platonov's prose // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. № 4. S. 198–204.

10. Istorija ruskoj literatury XX veka: V 4-h kn. Kn. 1: 1910–1930 gody : uchebnoe posobie / L. F. Alekseeva, I. A. Bikkulova, N. M. Malygina, N. N. Ivanov i dr.; pod red. L. F. Alekseevoj. Moskva : Vysshaja shkola, 2005. 366 s.

11. Istorija ruskoj literatury XX veka: V 4-h kn. Kn. 1: Russkaja literatura: 1910–1930-e gody = History of XX century Russian literature: In 4 books, Book 1: Russian literature: 1910–1930s. : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. / L. F. Alekseeva, I. A. Bikkulova, N. M. Malygina, N. N. Ivanov i dr.; pod red. L. F. Alekseevoj. Moskva : Student, 2012. 423 s.

12. Ken L. N., Rogov L. Je. Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaja im samim i ego sovremennikami = Leonid Andreev's life as told by himself and his contemporaries. Sankt-Peterburg : Kosta, 2010. 428 s.

13. Kranihfel'd V. Zhurnal'nye zametki. Leonid Andreev i ego kritiki = Journal notes. Leonid Andreev and his critics // Obrazovanie. 1902. № 10. Otd. 3. S. 47–69.

14. Krasil'nikov R. L. Obraz smerti v literaturnom proizvedenii: modeli i urovni analiza = The image of death in a literary work: models and levels of analysis. Vologda : GUK IACK, 2007. 140 s.

15. Leksikon ruskoj literatury XX veka. 1917 = Lexicon of the XX century Russian literature. 1917 / V. Kazak; [per. s nem.]. Moskva : RIK «Kul'tura», 1996. XVIII, 491 s.

16. Mirskij D. S. Istorija ruskoj literatury s drevnejshih vremen do 1925 goda = The history of Russian literature from ancient times to 1925 / per. s angl. R. Zernovoj. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. S. 226–244.

17. Tatarinov A. V. L. Andreev = L. Andreev // Russkaja literatura rubezha vekov (1890 – nach. 19 20-h gg.): Kn. 2 / IMLI RAN. Moskva : Nasledie, 2001. 314 s.

18. Tolkacheva O. N. Psihologija patologičeskogo nakopitel'stva = The psychology of pathological hoarding. Moskva : Jurajt, 2020. 178 s.

19. Toporov V. N. Veshh' v antropocentričkoj perspektive (apologija Pljuškina) = The thing in anthropocentric perspective (Plushkin's apologia) // Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojetičeskogo: Izbrannoe. Moskva : Progress – Kul'tura, 1995. 624 s. S. 7–111.

20. Jeihenbaum B. M. Kak sdelana «Shinel'» Gogolja = How Gogol's «The Overcoat» was made // Jeihenbaum B. M. «Skvoz' literaturu». Leningrad : Academia, 1924. S. 171–195.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 03.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 15.05.2023; approved after reviewing 03.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.